

Гоголь.

В ночах, когда гудит и злится
Пурга, вздымаясь к небесам,
Когда не дремлетя, не спится
Ни мертвым пашням, ни лесам,

Когда она скулит и плачет,
И подбывает, и гнусит —
На красногривой тройке скачет
Угрюмый Гоголь по Руси,

И кажется, вот-вот догонит
И перегонит бег земли.
Ушами взмыленные кони
К холодным звездам прилегли...

В ночах морозных звездной высью
Звенят поля — и звон, и грусть,
И никакой широкой рысью
Нельзя объехать эту Русь.

Вот огоньки. Ну, слава богу.
Кажись, жильё... Дымок и гарь..
И вдруг неожиданно на дорогу
На встречу вырвется почтарь,

Ругнется крепко ради шутки...
И снова в снеговой туман
Рванет от полосатой будки
Любезный кучер Селифан.

И снова, как у пряхи нитка,
Звенят, жалкуясь, бубенцы,
И мчится по снегам кибитка
Во все дороги и концы.

Во все дороги... А их много ль
Легло в белеющую даль...
И призадумается Гоголь
На эту русскую печаль.

Потом опять с мечтой тревожной
На миг захочется порвать,
Чтобы слегка под шум дорожный
В простой кибитке задремать.

Но не удастся. — Снова, снова
На встречу — и снега, и грусть,
И смутный образ Хлестакова
Опять уж навевает Русь...

Опять и Плюшкин и Манилов,
И нет им счёта и числа...
Какая ж дьявольская сила
Их в это поле занесла?

И сколько их тупых обличий
Век лакированный укрыв,
Вот и пройдоха городничий
И множество свиных рыл...

Ревут и насыпают в уши
Снега расплавленный свинец,
И уж не мертвые ли души
Катают в поле бубенец?..

Все может статься, по привычке
Опять доверившись мечтам,
Добрейший Чичиков на бричке
Уныло скачет к мертвецам...

Ах, эта дикая потеха
Так в едкой памяти свежа,
И Гоголь давится от смеха,
Весь загораясь и дрожа.

И долго под игру метели,
Смеясь, он корчится до слез,
В широкий воротник шинели
Уткнув классический свой нос...

Но вдруг опять, сверкнув глазами
И пробуравивши снега,
Он видит, как под небесами
Плывет звенящая дуга.

И звезды снова — мимо, мимо,
И бледный месяц отстает
И лишь внизу неукротимо
Пурга зловещая поет...

Она кричит, она грохочет:
«Остановись... Держи... держи!..»
И кажется, что буря точит
Заледенелые ножи.

И кажется, вот-вот потянет
Судьба за поводья узды,
И тройка взмыленная встанет
В последнем взмахе на дыбы...

Но не покоится, не спится
Полям пылающим в снегах,
И тройка, уж не тройка — птица
Летит все дальше впопыхах...

И так неотвратно взмыло
Коней сверкающую рать,
Что никаким свинячьим рыла
Ее уж больше не догнать.

Горбатый месяц вьется в свясла,
Снопами вяжется пурга,
Нырят в голубое прясло
Под звезды тонкая дуга.

Поля и доли стонут, воют...
И так без меры, без конца,
Пока слегка не приоткроет
Заря стыдливого лица.

Тогда, махнув коням усталым
Широкой ласковой рукой,
Свернет ямщик на постоялый
Вкусить и отдых и покой.

И лишь седок его, скупая
Под тараканий шум и храп...
Устанет за стаканом чая
Мечтать и плакать до утра...

И перед ним промчатся грозы,
Чтоб прозвучать в холодной мгле
Сквозь видимые миру слезы
О светлом счастье на земле.

А утром каждый обыватель,
Бреда, увидит наяву,
Как мрачный Гоголь на Арбате
Сидит и слушает Москву.

Павел Дружинин.